

В.П. Безобразов

**Грибовский В.М. Народ и власть в
Византийском государстве. С.-Пб. 1897**

(Критика)

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.П. Безобразов**
Грибовский В.М. Народ и власть в Византийском государстве. С.-Пб. 1897: (Критика) / В.П. Безобразов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 50 с.

ISBN 978-5-4241-6271-8

ISBN 978-5-4241-6271-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. С.-Пб. 1897.

Очень пріятно видѣть, что не только историки, но и молодые юристы, начали обращать серьезное вниманіе на Византію. Византійское государственное право, можно сказать, не тронуто изслѣдователями, и въ этой области юристы могутъ оказать большія услуги исторіи.

„Изученіе государственнаго строя Византіи,—справедливо замѣчаетъ г. Грибовскій,—имѣетъ свой вполне самостоятельный историко-юридическій интересъ“. Въ особенности же это изученіе важно для насъ, русскихъ. „Мы привыкли себя считать законными наследниками Византіи, и между тѣмъ до послѣдняго времени слово „византизмъ“ и „византійщина“ однимъ своимъ звукомъ приводятъ насъ въ содроганіе. А знаемъ ли мы при этомъ, что такое „византизмъ“. Въ существѣ дѣла мы этого не знаемъ“. „Даже поверхностное сравненіе нѣкоторыхъ византійскихъ учрежденій съ русскими, вродѣ, напримѣръ, помѣстной системы, порядка государственныхъ и придворныхъ должностей, судебныхъ инстанцій и проч. неотразимо наводитъ на мысль о воздѣйствіи и заимствованіи въ гораздо большей степени, нежели формы верховной власти. Несомнѣнно, конечно, что и въ отношеніи послѣднихъ историкамъ русскаго государственнаго права остается попрежнему обширное, мало початое, поле для любопытнѣйшихъ изслѣдованій, но, какъ справедливо говоритъ проф. Латкинъ, для выясненія значенія византійскаго вліянія, какъ фактора образованія самодержавія русскихъ государей, необходимо прежде всего изучить строй государственныхъ

и общественныхъ отношеній Византіи и ея политическую исторію. Только произведя подобную работу, можно до известной степени опредѣлить степень византійскаго вліянія въ области русскаго государственнаго права вообще и въ отношеніи образованія самодержавной власти русскіихъ государей въ частности". „Итакъ, прежде чѣмъ говорить о какомъ бы то ни было заимствованіи русскимъ государственнымъ правомъ византійскаго, всякій изслѣдователь обязанъ уяснить себѣ то, что составляетъ отправныя точки его работы, то-есть, дать себѣ болѣе или менѣе подробный полный отчетъ о состояніи обонхъ сравниваемыхъ имъ предметовъ въ известную эпоху". Слѣдуя вышеприведеннымъ началамъ теоріи разработки иноземныхъ вліяній, авторъ, прежде чѣмъ приступить къ рѣшенію историко-юридическаго уравненія, постановилъ вначалѣ выдѣлить известныя его члены въ одну, неизвѣстныя—въ другую сторону. Въ данномъ случаѣ однимъ изъ неизвѣстныхъ, подлежащихъ выдѣленію и опредѣленію ранѣе другихъ, авторъ считаетъ нѣкоторые элементы византизма государственно-правоваго характера.

Авторъ неопиѣрно и бесполезно расширилъ свою задачу тѣмъ, что, не довольствуясь изслѣдованіемъ о населеніи и власти, прибавилъ общій очеркъ византійской исторіи. Такой общій очеркъ могъ бы быть, конечно, очень интересенъ, но написать его содержательно будетъ въ состояніи только тотъ, кто подробно изучилъ по источникамъ судьбы и строй Восточной имперіи.

Съ другой стороны г. Грибовскій съузилъ свою тему и хронологически и по содержанію. Онъ говоритъ не о власти, а только о царской власти, и не пользуется фактами и источниками послѣ 1204 г. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это неудобно, такъ, напримѣръ, о крестьянскомъ вопросѣ нельзя написать почти ничего, не пользуясь документами XIII и XIV вѣковъ.

Самое важное, однако, то, что, несмотря на бѣдность византійскихъ источниковъ, авторъ не пожелалъ воспользоваться и половиною напечатанныхъ документовъ и добровольно ограничилъ себя очень ничтожными матеріалами. Даже при бѣгломъ просмотрѣ цитаты бросается въ глаза, что авторъ-юристъ очень рѣдко смыкается на юридическія памятники и какъ будто совсѣмъ не бралъ въ руки известнаго изданія Пахаріа *Jus Graeco-romanum*. Выражаясь повизантійски, г. Грибовскій выступилъ на поле брани очень легко вооруженнымъ, и это главный недостатокъ его книги.

Отъ юриста можно было ожидать обстоятельнаго и документаль-

наго изложенія компетенціи царской власти. Дѣйствительно г. Грибовскій говоритъ о правахъ и преимуществахъ монарха въ параграфѣ, нѣсколько вычурно озаглавленномъ: „Реализація народныхъ стремленій въ законѣ и обычаяхъ“ (стр. 322). Но параграфъ этотъ не обстоятеленъ и не документаленъ; онъ составленъ главнымъ образомъ по Мортрелю, при чемъ кое-что выписано изъ статей проф. Сокольскаго и В. Г. Васильевскаго и изъ книги проф. Скабалановича, а также сдѣлана одна самостоятельная ссылка на Теофила. Авторъ былъ бы исполнѣ правъ, еслибы Мортрель исчерпалъ предметъ; на самомъ же дѣлѣ онъ и не могъ этого сдѣлать, потому что писалъ 50 лѣтъ тому назадъ, когда многіе законодательные памятники были совсѣмъ не изданы или плохо изданы, и потому, что, занимаясь внѣшнею исторіей византійскаго права, далъ лишь мимоходомъ бѣглый очеркъ византійскаго государственнаго устройства.

Для опредѣленія правъ византійскаго царя г. Грибовскій такъ же, какъ и Мортрель, приводитъ только нѣкоторыя статьи Эпанагоги. Между тѣмъ въ Василикахъ права монарха опредѣлены гораздо точнѣе и полнѣе, чѣмъ въ Эпанагогѣ, постановленія которой имѣютъ скорѣе нравственный, чѣмъ юридическій смыслъ. Такое упущеніе могло произойти оттого, что авторъ имѣетъ совершенно невѣрное представленіе о византійскомъ сводѣ законовъ. Онъ называетъ Василики убогими и безтолковыми (стр. 188), но вопросъ очевидно не въ томъ; пусть Василики представляются г. Грибовскому убогими (тогда и римское право вообще должно быть названо убогимъ), однако изслѣдователь обязанъ пользоваться ими, если только они дѣйствовали. „Неофициальные своды, говоритъ г. Грибовскій (стр. 332), подѣ коонецъ совершенно вытѣснили собой, начиная съ одиннадцатаго вѣка, мертворожденныя Василики. Текстъ Василикъ въ значительной степени утратилъ свою обязательность вслѣдствіе выхода въ свѣтъ обилія ему противорѣчившихъ новеллъ“. Очень трудно было бы подтвердить эти слова какими нибудь документальными ссылками, между тѣмъ какъ доказать противоположное очень легко.

Еслибы г. Грибовскій заглянулъ въ Пирю, очень важный источникъ, оставшійся ему совершенно неизвѣстнымъ, онъ узналъ бы, что византійскіе судьи постановляли свои приговоры на основаніи Василикъ, что подѣ словомъ законъ (νόμος) разумѣются Василики, что изъ указателя, составленнаго Цахаріа и занимающаго нѣсколько страницъ, видно, какъ много цитатъ изъ Василикъ помѣщено въ Пирѣ. Еслибы г. Грибовскій заинтересовался устройствомъ

византійской юридической школы и прочель, хотя бы и не самый уставъ, а только краткую рецензію В. Г. Васильевскаго, ему сдѣлалось бы извѣстнымъ, что адвокаты и нотаріусы обязаны были изучать Василики. Такъ было въ XI вѣкѣ, а въ XIII вѣкѣ Вальсамонъ на вопросъ Марка Александрійскаго отвѣчаетъ, что Василики безусловно обязательны для всѣхъ христіанъ ¹⁾.

„Прежде всего, конечно, говоритъ г. Грибовскій (стр. 328), царь являлся главой законодательной власти“, но не подтверждаетъ этого никакими цитатами и не опредѣляетъ ни сферы ни формы этой законодательной власти.

Въ Римѣ считали, что законодательная власть принадлежитъ императору, потому что народъ передалъ ему всѣ свои полномочія ²⁾. Императорскія повелѣнія имѣли силу закона и издавались въ видѣ эдикта, декрета и рескрипта ³⁾. Согласно съ этимъ и въ Василикахъ сказано, что повелѣніе царя есть законъ (quod principi placuit lex est), будетъ ли это повелѣніе объявлено на словахъ или изложено письменно въ видѣ рескрипта, декрета или эдикта ⁴⁾.

Авторъ говоритъ объ этомъ основномъ принципѣ монархической власти нѣсколько разъ, но не тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ компетенцію монарха, и, повидимому, не понимаетъ его. „Императоры, пишетъ г. Грибовскій (рѣчь идетъ объ императорахъ отъ Константина Великаго до Льва Исавра), продолжали упражнять древне-римскій культъ власти съ тѣмъ различіемъ, однако, что высоко, хотя бы и узко, по-римски понимаемый лозунгъ *salus rei publicae suprema lex esto* замѣнился въ эту эпоху въ Византіи другимъ болѣе характернымъ кличемъ *quod principi placuit legis habet vigorem* (стр. 81)“. Слѣдовательно авторъ полагаетъ, что приравненіе царскаго повелѣнія къ закону византійское изобрѣтеніе, хотя онъ говоритъ о періодѣ, первомъ половинѣ котораго во всякомъ случаѣ не можетъ быть названа ви-

¹⁾ *Pl. Соколовъ*, Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи, стр. 299.

²⁾ *Inst.* § 6. *Sed et quod principi placuit legis habet vigorem, cum lege regia, quae de eius imperio lata est, populus ei et in eum omne imperium suum et potestatem concessit (Misroulet, Les institutions politiques des romains, t. I, p. 367).*

³⁾ *Constitutio principis est*, говоритъ Гаф, *quod imperator decreto vel edicto vel epistula constituit (Виллемсъ, Римское государственное право, стр. 493).*

⁴⁾ *Basilic. l. II, tit. VI, 2.* „Ὁπερ ἀρέσει τῷ βασιλεὶ νόμος ἐστὶν εἴτε δι' ἐπιστολῆς ἐνοχυράφου (рескриптъ) ἢ διαγινώσκων ψηφίσεται (декретъ) ἢ ἐξ ἐπιπέδου διαλαλῆσαι ἢ διὰ δόγματος προαγορεύσει (эдиктъ) καὶ λέγεται ταῦτα διατάξεις (constitutio).“

завтійскою. Но далѣе говоря о „римской импероалистической (1) философіи и толковавшемъ ея таинства римскомъ юристѣ-практикѣ“; авторъ утверждаетъ, будто они (то-есть, философія и юристъ) подобнымъ тезисомъ (*quod principi placuit, legis vigorem habet*) облакали въ форму закона не только благожелательную волю монарха, но даже его капризъ, прихоть (стр. 296). Слѣдовательно этотъ тезисъ или лозунгъ былъ кличемъ не византійскимъ, а римскимъ. Последнее, конечно, вѣрно, но чтобы въ форму закона былъ облеченъ капризъ монарха, это положительно не вѣрно и могло быть написано только лицомъ, не понимающимъ значенія слова „*placet*“ и мало знакомымъ съ римскимъ правомъ ¹⁾).

Благодаря такому непониманію основныхъ тезисовъ и малому знакомству съ византійскимъ правомъ, г. Грибовскій могъ написать слѣдующее: „Второй параграфъ шестого титула второй книги Василікъ дословно переводитъ положеніе: *quod principi placuit legis habebit vigorem*. Не смотря на существованіе такихъ нормъ въ дѣйствовавшемъ законѣ, извѣстно, что примѣненіе въ практикѣ онѣ не получали, въ виду того, что христіанскіе императоры сами признавали ограниченіе своей воли по крайней мѣрѣ въ отношеніи предписаній Евангелія и семи вселенскихъ соборовъ. Что же касается въ частности Василія Македонянина, то онъ самъ въ Эпанагогѣ еще болѣе ограничивалъ себя четвертымъ параграфомъ перваго титула этого сборника“ (стр. 114) ²⁾.

Неужели г. Грибовскій серьезно думаетъ, что въ Византіи не существовало царскихъ повелѣній, имѣвшихъ силу закона? Ему, конечно, извѣстно, что новелла (*νεαρά διάταξις*) соответствуетъ *constitutio principis*, и что новеллы входили въ составъ сводовъ закона, по своему значенію ничѣмъ не отличающагося отъ закона. Какъ юристъ, г. Грибов-

¹⁾ Автора, можетъ, быть ввели въ заблужденіе слѣдующія слова проф. Сергѣевича: „Римскіе императоры языческой эпохи соединили въ своихъ рукахъ абсолютную власть. По *lex regia* все, что было угодно и правилось императору, имѣло силу закона: *Quidquid (?) principi placuit legis habet vigorem*. Положеніе это не было отиѣнено и въ христіанскую эпоху; но съ признаніемъ христіанства государственной религіей, оно потеряло на практикѣ существенное ограниченіе“ (Русск. юридич. древности, т. II, вып. 2, стр. 608). Въ дошедшемъ до насъ текстѣ *lex regia* приведенныхъ словъ нѣтъ.

²⁾ Въ означенномъ параграфѣ говорится, что царь долженъ хранить все то, что заключается въ священномъ писаніи, что было установлено на семи вселенскихъ соборахъ, и то, что опредѣлено римскими законами; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы царь не имѣлъ права издавать повелѣнія, равносильныхъ закону.

скій не написалъ бы ничего подобнаго, еслибы онъ въ данномъ случаѣ не повѣрилъ на слово греческому историку Папаригопуло ¹⁾).

„При первыхъ императорахъ, говоритъ проф. Коркуновъ, когда сохранялись еще республиканскія формы, установленіе совершенно новыхъ юридическихъ нормъ допускалось не иначе, какъ въ формѣ сенатус-консультовъ. Извѣстное правило *quod principi placuit, legis habet vigorem* имѣло лишь то значеніе, что установленное императорскою конституціей правило должно быть примѣняемо и въ другихъ однородныхъ случаяхъ, должно служить для нихъ закономъ, а вовсе не то, чтобы повелѣніемъ императора могло быть установлено то же, что и закономъ или сенатус-консультомъ. Но и въ позднѣйшее время, когда республиканскія формы уже исчезли, между различными формами императорскихъ конституцій все-таки дѣлалось различіе. *Generales constitutiones*, называвшіяся также и *leges*, противопоставались рескриптамъ и прагматическимъ санкціямъ. Рескрипты издавались по частнымъ случаямъ. Прагматическія санкціи имѣли общій характеръ, но по значенію своему онѣ не были равны законамъ. Если онѣ въ чемъ прямо противорѣчили общей конституціи, онѣ не имѣли силы“ ²⁾).

Существовало ли что нибудь подобное въ Византіи, была ли разница между указомъ и закономъ? — вотъ вопросъ существенно важный, которымъ, однако, не задавался г. Грибовскій.

Въ Василикахъ сказано, что и по отношенію къ царю должны имѣть силу общіе законы, и противозаконные указы не должны быть исполняемы. Эта статья подробнѣе разъяснена въ такъ называемомъ *Synopsis minor* ³⁾).

Рескриптомъ, говорится въ этомъ сборникѣ, въ общемъ смыслѣ слова законъ называется царское повелѣніе (*ἀντιγραφὴν ὡς ἐπὶ τὸ κοινὸν ὁ νόμος τῆν βασιλικὴν ὀνομάζει πρόσταξιν*). Рескриптъ въ тѣсномъ смыслѣ слова появляется тогда, когда царь, отвѣчая на письменную реляцію

¹⁾ Cette clause (*quod principi placuit*) était vraie sous l'empire romain, les empereurs d'alors foulaient aux pieds toutes les lois divines et humaines et se faisaient défier de leur vivant, mais elle était loin d'avoir un sens pratique au neuvième siècle. Le législateur des *Basilica* promulgua lui même l'*Epanagogue*, qui prescrivait au parag. 4 (*Papariropoulo*, Histoire de la civilisation hellénique, p. 244). Г. Грибовскій забылъ сослаться на Папаригопуло.

²⁾ Указъ и законъ, стр. 301.

³⁾ *Basil. I. II, tit. VI, g. Καὶ κατὰ βασιλέως οἱ γενικοὶ χρῆται τῶσαν νόμοι καὶ πᾶσα παράνομα ἐμβαλλέσθω ἀντιγραφῆ.*

(вопросъ, кѣмъ нибудь предложенный), постановляетъ свое рѣшеніе (ἔστι δὲ κορίως ἀντιγραφὴ, ὅταν ὁ βασιλεὺς πρὸς ἀναφορὰν ἄλλου διὰ γραφῆς γενομένην ἀντιγράφας ὀρίσῃ τὸ δοκοῦν αὐτῷ); отсюда и всѣ остальные царскія повелѣнія называются въ законѣ рескриптомъ, потому что по большей части царскія повелѣнія возникаютъ изъ принесенныхъ реляцій. Точно такъ же, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ противозаконное отвергается, законъ повелѣваетъ, чтобы, если самъ царь повелитъ что нибудь противозаконное и постановитъ это рескриптомъ или царскимъ повелѣніемъ, это не имѣло силы. Ибо царскія повелѣнія имѣютъ силу тогда, когда они не противорѣчатъ никакимъ законамъ (αἱ γὰρ βασιλικαὶ προσταγαὶ τότε ἔχουσι τὸ κράτος, ὅταν μηδενὶ νόμῳ ὦσιν ἐναντιούμεναι).

Разница между указомъ и закономъ признавалась въ Византіи, въ теоріи по крайней мѣрѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна одна новелла Мануила Комнина (1159 г.), въ которой царь ограничиваетъ собственную власть. Императоръ постановляетъ, что въ случаѣ имъ будетъ издано на словахъ или письменно постановленіе, противорѣчащее справедливости и точному смыслу законовъ, такой указъ (декретъ) долженъ почитаться не дѣйствительнымъ и не приводиться въ исполненіе ¹⁾.

¹⁾ Διορίζεται γὰρ διὰ τῆς παρούσης χρυσοβούλλου γραφῆς, ἵνα εἴ τι δι' ἔμου τοῦ καιροῦ τῆς αὐτοκρατορίας ἡμῶν ἀγράφως ἢ ἐγγράφως ὀρισθῇ παρὰ τῆς βασιλείας μου ἐναντίον τῶ δικαίῳ καὶ τῆ τῶν νόμων εὐθύτητι, ἄκυρον τοῦτο διαμείνῃ καὶ τὸ ἀπρακτόν ἔξει παντάσῃ (*Zachariá, Jus Gr.-Rom., t. III. Coll. IV. Nov. 63*). Въ Василікахъ указаны случаи, когда указъ, противорѣчащій закону, все-таки сохраняетъ силу. Basil. I. II, tit. V, cap. 7. Ἐρρώσθη παράνομος ἀντιγραφὴ βασιλέως ἐξ ὧν ἕτερον οὐκ ἀδικεῖ ἢ ἐὰν ἐγκλήματος χαρίζεται τῷ δεηθέντι παραχώρησιν. Къ этому въ *Sinops. min. B., 50*, прибавлено: Ἀντιγραφαὶ μὴ ἐναντιούμεναι νόμῳ τὸ στέργον ἔχουσι, ὅτε δὲ νόμῳ ἐναντιοῦνται, οὐ στέργονται ὡς παράνομοι. πολλὰς δὲ καὶ παράνομον βασιλικὴν προσταγὴν στέργομεν, ἀλλὰ τότε στέργομεν ταύτην, ὅτε καὶ παράνομος οὔσα καὶ βοηθοῦσα τινι, ὑπὲρ οὗ ἐγένετο δηλονότι, ἄλλον οὐκ ἀδικεῖ. πάλιν ἐστὶν ἐπ' ἀδείας τῷ βασιλεὶ συγχωρεῖν τοῖς πταίοισι καὶ ἀφιέναι τοῦτοις τὰ πταίσματα, οὐκ ἔχει δὲ τοῦτο ἐπ' ἀδείας ὁ βασιλεὺς ἐπὶ πάσαις ταῖς ὑποθέσεσιν, ἀλλὰ ἐν ταῖς ἐγκληματικαῖς ἐνοχαῖς οὐ δύναται συγχωρεῖν, εἰ μὴ πολλὰς τὸ ἐγκλημα εἰς αὐτὸν ἀνατρέχει τὸν βασιλέα. Καὶ ὅτι χωρὶς τῶν ἐγκληματικῶν ὑποθέσεων ἔξουσία ὑπάρχει τῷ βασιλεὶ τοῖς κατακρινομένοις ἀφιέναι τὰ πταίσματα, κελεύει ὁ νόμος στέργειν τὴν τοῦ βασιλέως ἀντιγραφὴν ἐν οἷς οὐ χαρίζεται ἐγκλήματος παραχώρησιν. εἰ δὲ καὶ πολλὰς παράνομος ἐστὶν (ἢ βασιλικὴ ἀντιγραφὴ) οὐκ εὐθὺς διὰ τὸ εἶναι παράνομος ἀθετεῖται καὶ ἀνατρέπεται, ἀλλὰ σκοπεῖται, εἰ ἀδικεῖται τις ἐξ αὐτῆς ἢ ἐὰν τις συγχωρῆται διὰ ταύτην: εἰς ἐγκληματικὴν ὑπόθεσιν ἐνεχόμενος. Καὶ εἰ μὲν ἐν τι ἀπὸ τῶν ἑσῶν εὐρίσκεται ἐν τῇ βασιλικῇ ἀντιγραφῇ ἀθετεῖται διὰ τὸ εἶναι παράνομος. εἰ δὲ μηδὲν ἀπὸ τούτων ἐμφαίνεται ἐν τῇ τοῦ βασιλέως ἀντιγραφῇ, εἰ καὶ παράνομος ἐστὶ, στέργεται διὰ τὸ ὑπερέχον τῆς τοῦ βασιλέως τιμῆς.

Въ Византіи сохранились римскія формы царскихъ указовъ, и ихъ продолжаютъ отличать византійскіе юристы ¹⁾. Указъ, называвшійся въ Римѣ *constitutio principis*, сталъ называться въ Византіи *διάταξις*, обыкновенно *νεαρά διάταξις* (новымъ постановленіемъ, новеллой). Если присмотрѣться къ новелламъ, напечатаннымъ въ извѣстномъ изданіи Цахаріа, легко видѣть, что одни по римской терминологіи эдикты (общія распоряженія, *διάταξις*, новеллы въ тѣсномъ смыслѣ слова) ²⁾, другія—рескрипты (отвѣты на реляціи чиновниковъ), то-есть, рѣшенія (*λύσεις*) появившіяся вслѣдствіе *ἀναφορά* (реляціи) чиновниковъ, третьи—декреты, то-есть, приговоры императора по судебнымъ дѣламъ.

Въ новеллахъ нерѣдко указывается, что они появились вслѣдствіе частнаго вопроса такого-то и приобрѣли значеніе общаго закона. Такъ, напримѣръ, въ одной новеллѣ Константина Дуки говорится: *Ἰστίον ὅτι ὁ Δούκας ὁ βασιλεὺς λύσιν ἐποίησε πρὸς ἀναγραφὴν ἀντιγραφείσων σεκρητικῶν... ἢ οὖν τοιαύτη λύσις τοῦ Δούκα κρατεῖ σήμερον ἐν τόκῳ νεαρᾶς διατάξεως καὶ τὸ ἐνεργὸν ἔχει ³⁾*.

Объ императорскомъ судѣ, гдѣ появлялись царскіе указы въ ихъ третьей формѣ (декреты), г. Грибовскій говоритъ очень мало и почти исключительно то, что нашелъ онъ у Мортреля. Прежде всего онъ сообщаетъ слѣдующее: „За все время бытія имперіи до латинскаго завоеванія источники указываютъ намъ на существованіе высшаго суда императора, противопологаемаго судамъ общаго характера. Еἰς τὸ βῆμα τῆς βασιλείας ἢ εἰς ἕτερον πολιτικὸν δικαστήριον, говорится, напримѣръ, въ десятой новеллѣ Мануила Комнина, ἐν δικαστηρίῳ ἐν τῇ βασιλευούσῃ“ (стр. 338) ⁴⁾. Что означаютъ послѣднія слова, трудно понять, если не загля-

Synopsis min. B. 41. Βασιλεὺς παρέχον συγχώρησιν τινι πταίσματι τὴν σωματικὴν τιμωρίαν συγχωρεῖ καὶ ἐκ ταύτης ἀπολύει τοῦ πταίσαντα. τὴν δὲ ἀτιμίαν τὴν κατὰ φύσιν παρεπομένην τοῖς δημοσίοις ἐγγλήμασι περιπίπτοντες ἄτιμοι μένειν παρὰ τοῦ νόμου καταδικάζονται, κἂν βασιλεὺς αὐτοῖς συγχωρῇ.

¹⁾ *Synopsis minor B. 52. Ὁ βασιλεὺς δ:ὰ τριῶν τρόπων νομοθετεῖ, δι: ἀντιγραφῆς, περὶ ἧς ἐπισθεν σαφέστερον εἶπομεν, ἐν δεκρέτῳ, καὶ ἐν ἐδίκτῳ.*

²⁾ Тамъ же. Τὸ δὲ ἐν ἐδίκτῳ λέγεται, ὅταν οἴκοθεν ὁ βασιλεὺς συνιδῶν τι τοῖς ὑπηκόοις ὠφέλιμον προτάξῃ αὐτὸ. ἢ γὰρ ἐξ ἑαυτοῦ εἰς περιποίησιν καὶ ὠφέλειαν τοῦ οἰκείου λαοῦ ἐξαγομένη παρὰ τοῦ βασιλέως διάταξις ἐδικτον ὀνομάζεται.

³⁾ *Coll. IV, nov. 8. Coll. III, nov. 22. Ἀνήγαγεν ὁ πρωτοσκαθάριος Βασίλειος, ὁ ἐπὶ τῶν θεήσεων, ὅτι τόπους ἀναλαμβάνομένους ἀναργύρως ἀποδίδωσι τοῖς στρατιώταις. См. еще Coll. III, nov. 15. Coll. IV, nov. 34.*

⁴⁾ Въ новеллѣ Мануила Комнина (*Coll. IV, nov. 66, cap. 4*) говорится: *Ἀλλὰ καὶ τὰς ἐκκλήτους τὰς ἐν δικαστηρίῳ γινομένας ἐν τῇ βασιλευούσῃ τῶν πολέων καὶ τὰς περὶ αὐτῆς ἐνιαυτῶ κλεισθεῖαι... εἰ δὲ καὶ ἐν ἑτέρῳ τινι ἐπαρχίᾳ κατάδικασθῇ καὶ εἰς τὸ βῆμα τῆς βασιλείας, μου ἐκκαλέσεται ἢ εἰς ἕτερον πολιτικὸν δικαστήριον.*

нута въ книгу Мортреля; это нечто иное, какъ ошибка французскаго ученаго середины XIX вѣка, которую счелъ нужнымъ повторить русскій ученый конца вѣка. Мортрелю показалось, что *δικαστήριον ἐν τῇ βασιλευσού* (судъ въ царствующемъ градѣ, то-есть, столицѣ) значитъ императорскій судъ, и г. Грибовскій, слѣпо вѣрящій авторитетамъ, не замѣтилъ грубой ошибки. Далѣе авторъ повторяетъ то, что онъ нашелъ у Мортреля, хотя лучше было бы перевести соответствующія страницы изъ извѣстнаго сочиненія Цахаріэ (*Griechisch - römische Recht*); а еслибы онъ воспользовался всѣми указаніями послѣдняго, онъ написалъ бы нѣчто дѣльное и новое.

Г. Грибовскій не старался опредѣлять компетенцію и составъ императорскаго суда, онъ не пожелалъ привести ни одного примѣра изъ практики этого суда. Изъ извѣстной книги проф. Скабалановича онъ извлекаетъ слѣдующее свѣдѣніе: „общему суду императора и его совѣта въ первой инстанціи подлежали дѣла особой исключительной важности, напимѣръ, преступленія высшихъ должностныхъ лицъ“ (стр. 340). „Поэтому, продолжаетъ авторъ, въ верховномъ императорскомъ судѣ разсматривались дѣла о заговорахъ при Константинѣ Мономахѣ; Романъ Діогенъ за свой преступный замыселъ былъ судимъ первѣйшими членами синклита“. „Поэтому“ поставлено очень некстати и затуманиваетъ дѣло. Дѣйствительно въ византійскихъ законахъ сказано, что высшихъ должностныхъ лицъ имѣетъ право судить одинъ только царь, а другой судья лишь въ томъ случаѣ, если царь сдѣлаетъ такое специальное распоряженіе¹⁾. Поэтому Романа Діогена, какъ сановника, могъ судить только императорскій судъ. Если же всякіе заговоры противъ монарха, кѣмъ бы они ни были учинены, разсматривались въ царскомъ судѣ, это уже второй пунктъ его компетенціи.

Что императорскій судъ есть высшая апелляціонная инстанція, это также вполне опредѣленно сказано въ законѣ и должно было быть приведено юристомъ²⁾.

¹⁾ Synops. min. A, 132 (изъ Syn. A, 37). Οἱ μέγιστοι ἀξιωματικοί, εἰ καὶ πολλοὶ τῶν ἀξιῶν διαπέσωσι, παρὰ μόνῃ τῇ βασιλεὶ ἐνάγονται ἤτοι κατηγορούμενοι κρίνονται, παρὶ δὲ ἄλλῃ δικαστῆ οὐκ ἐνάγονται, εἰ μὴ πᾶσι βασιλεὺς κελύσει.

²⁾ Synops. min. A, 61 (изъ Epanag. XI, 9). Τὰ ἀρχοντικά κριτήρια ἐκκλήτῳ ὑπόκεινται καὶ ἀναψηλαφᾶται οὐ μόνον παρὶ τοῦ βασιλέως, ἀλλὰ καὶ τοῦ ἐπαρχοῦ καὶ τοῦ κοισιτωροῦ. Epanag. tit. XI, 7. Ἡ τοῦ ἐπαρχοῦ ψῆφος ἐκκλήτῳ οὐχ ὑπόκειται πλὴν ὑπὸ μόνου τοῦ βασιλέως, Epanag. tit. XI, 5. Τὸ αὐτοκρατορικὸν καὶ βασιλικὸν κριτήριον ἐκκλήτῳ οὐχ ὑπόκειται, οὐδὲ ἀναψηλαφᾶται ὑπὸ ἑτέρου, ἀλλ' ὑφ' ἑαυτοῦ δεῖ ἐπακροῦνται. Замѣчательно, что, Грибовскій приводитъ только тѣ параграфы, которые онъ нашелъ въ статьѣ проф. Сокольскаго.

Г. Грибовскій повторяетъ за Мортрелемъ, что „юрисдикція верховнаго императорскаго суда выражалась въ тройкой формѣ, реляціи, аппеляціи и суппликаціи“ (стр. 338) ¹⁾. Это, безъ сомнѣнія, вѣрно, и авторъ могъ бы прибавить, что въ Византіи сохранились римскія формы судопроизводства, что и въ Римѣ верховный судъ точно также разбиралъ дѣла на основаніи аппеляціи, реляціи и суппликаціи.

„Реляція, пишетъ г. Грибовскій, состояла въ томъ, что судья, затруднявшійся рѣшеніемъ какого либо вопроса права, обращался за разрѣшеніемъ сомнѣнія къ государю, какъ источнику закона“. Таковой порядокъ, прибавляетъ авторъ уже отъ себя (у Мортреля этого соображенія нѣтъ), основывался, очевидно, на слѣдующихъ текстахъ Кодекса: *inter aequitatem jusque interpositam interpretationem nobis solis et oportet et licet inspicere, et si enim in praesenti leges condere soli imperatori concessum est, et leges interpretari solo dignum imperio esse oportet* (I, 14, 1, 12). Автору слѣдовало бы прибавить, что тотъ же законъ имѣется и въ *Василикахъ* ²⁾.

„Простой судья, продолжаетъ г. Грибовскій налагать Мортреля, въ данномъ мѣстѣ на него не ссылаясь, но чаще друнгарій биглы изготовлялъ докладъ съ изложеніемъ вопроса доводами за и противъ, а императоръ присоединялся къ той или другой редакціи, и въ такомъ видѣ рескриптъ его получалъ силу законодательнаго толкованія“ (стр. 339) ³⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ много неясностей. Изъ книги г. Грибовскаго мы не узнаемъ, изъ кого состоялъ императорскій трибуналъ, и читатель въ правѣ спросить автора, почему же докладъ изготовлялъ начальникъ императорской стражи (друнгарій биглы), а если онъ былъ членомъ суда, чѣмъ отличался онъ отъ простаго судьи, и что это за страшный обычай излагать вмѣсто своего мнѣнія доводы за и противъ чего-то. Наконецъ позволительно спросить, что значить „излагать вопросъ доводами за и противъ“, и можно ли пере-

¹⁾ *Mortreuil*, III, 84. Cette juridiction se manifeste sous une triple forme: *ἐκρίνησις, ἐκκλησις, ἀριστήρ.*

²⁾ *Vasili* I, II, tit. VI, 6. *ὅταν ἕτερον τι τὸ νόμιμον βούληται, ἕτερον δὲ τὸ δικαίον, μόνοι βασιλεὺς δύναται τὴν περὶ τούτου τέμνειν ζήτησιν, ἐπειδὴ αὐτῷ κρίκει τὰ τοιαῦτα τέμνειν.* Въ статьѣ Эпаногоги, приведенной г. Грибовскимъ, говорится о случаѣ, когда нѣтъ прямого закона.

³⁾ Le juge ordinaire, mais plus souvent le grand drungaire de la veille (*δρουγγάριος τῆς βιγλῆς*) faisait à l'empereur un exposé des faits et un résumé des motifs de droit pour et contre; l'empereur rendait son rescrit qui avait force de loi intercreative. *Mortreuil*, III, 85.